

Виктор Павлович Кочубей:

«Свобода и частный прибыль есть единое истинное движущее начало всякой промышленности...»

Дмитрий Тимофеев

Фигура В.П. Кочубея (1768–1834) известна не только специалистам, чей профессиональный интерес связан с историей России первой половины XIX века, но практически всем, кто изучал, хотя бы в рамках школьной программы, историю царствования Александра I и помнит о либеральном кружке друзей молодого императора, позднее получившем название «Негласный комитет». Одним из его активных участников и был Виктор Павлович Кочубей – правнук казненного Мазепой в 1708 году малороссийского генерального судьи Василия Леонтьевича Кочубея, сын обучавшегося в Галльском университете председателя Екатеринославской губернской палаты, статского советника Павла Васильевича Кочубея (1739–1786).

Родился Виктор Павлович 11 ноября 1768 года в селении Глухово Черниговской губернии и первоначально получил образование в частном пансионе француза де Вильнева в Санкт-Петербурге. В возрасте 8 лет он, по настоянию отца, был записан капралом в лейб-гвардии Преображенский полк. Уже через несколько месяцев был произведен сначала в унтер-офицеры, а в ноябре 1776 года – в сержанты. Благодаря практике формальной записи дворянских детей в армию, на действительную службу В.П. Кочубей поступает в 1784 году уже в чине прапорщика. На дальнейшую карьеру большое влияние оказал родной дядя по материнской линии – граф А.А. Безбородко, который считал необходимым подготовить племянника к дипломатической службе и содействовал его зачислению в группу офицеров, выполнявших правительственные поручения в Швейцарии. Во время

пребывания за границей В.П. Кочубей продолжил свое образование: в 1781–1784 годах он прослушал курс лекций в Женевском университете, а в 1785–1786 годах – в Упсальском университете. После возвращения в Россию его карьера продолжилась: в 1786 году он получил чин подпоручика, а позднее был назначен на должность камер-юнкера Двора Ее Императорского Величества.

В 1788 году В.П. Кочубей отправляется в Лондон в составе дипломатической миссии под руководством графа С.Р. Воронцова. При этом, вновь получив возможность путешествовать по Европе, он побывал в Швейцарии, Голландии, Франции и, в качестве вольнослушателя, посещал занятия по праву в Лондонском университете (1789–1790), а также лекции Ж.-Ф. Лагарпа по истории литературы в Париже (1791). В результате пребывания в Европе, Виктор Павлович получил не только опыт практической работы в дипломатическом ведомстве, но и существенно дополнил свои познания. Российский посол в Великобритании С.Р. Воронцов писал об этом периоде жизни Кочубея: «Он обогатил свой разум всеми сведениями, кои неотложно нужны, чтоб служить отличным образом в политической службе... На двадцать пятом году он имеет постоянство человека сорока лет».

Летом 1792 года В.П. Кочубей был отозван из Англии в Санкт-Петербург, а в октябре – назначен чрезвычайным посланником России в Константинополе. Верховная власть по достоинству оценила дипломатическую работу Кочубея: в сентябре 1795 года он был награжден орденом св. Владимира второй степени, а в начале 1797 года назначен членом Коллегии иностранных дел и удостоен ордена св. Александра Невского.

Летом 1798 года Кочубей возвратился в Санкт-Петербург и вскоре получил чин действительного тайного советника и назначение на должность вице-канцлера Коллегии иностранных дел. В этом качестве он руководил подготовкой к подписанию договоров России с Неаполем, Англией,

Португалией, Баварией. Весной 1799 года император Павел I объявил о даровании Кочубею титула графа, но вскоре, в августе 1799 года, отстранил его от службы. После выхода в отставку Кочубей несколько месяцев провел в своем имении, а весной 1800 года уехал за границу.

Новый этап в жизни Виктора Павловича начинается после прихода к власти молодого императора Александра I. Получив известие о скоропостижной смерти Павла I, Кочубей незамедлительно прибывает в Петербург. С этого момента он меняет направление служебной деятельности и свое основное внимание концентрирует уже не на вопросах внешней политики, а на разработке необходимых России преобразований. Об этом он писал императору в мае 1801 года, предлагая принять ряд мер по упорядочению системы управления и повышению ответственности чиновников. По его мнению, следовало упразднить введенную Павлом практику ежедневных личных приемов министров, что неизбежно способствовало бы повышению их самостоятельности в решении текущих вопросов.

По распоряжению Александра I, в июле 1801 года Виктор Павлович был принят на службу в 1-й департамент Сената с особым предписанием находиться при Его Императорском Величестве. И хотя в сентябре 1801 года он был вновь назначен вице-канцлером и членом Коллегии иностранных дел, важнейшим направлением его деятельности остается разработка в «Негласном комитете» плана предстоящих преобразований. В состав этого неофициального кружка приближенных друзей императора, как известно, входили граф П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев и А. Чарторыйский. Присоединенный по приглашению Александра I к этому «триумвирату», Кочубей становится активным участником обсуждений вопросов реформирования системы центральных органов государственной власти, разработки общих подходов к решению крепостного вопроса, определению приоритетных направлений внешней политики.

Император по достоинству оценил умение В.П. Кочубея четко формулировать свои мысли, способность видеть в любом теоретическом положении возможность практического применения, а главное – стремление анализировать возможные последствия предполагаемых преобразований. Все это способствовало привлечению Кочубея на целый ряд официальных должностей. В соответствии с Указом 11 декабря 1801 года он был включен в состав Непременного Совета, а с сентября 1802 года по ноябрь 1807 года был министром внутренних дел, и, одновременно, председателем «Комитета для составления положения о лифляндских и эстонских крестьянах» (с 1803 года). С 1805 года Кочубей участвует в работе «Комитета для совещания по делам сохранения всеобщего спокойствия и тишины граждан и облегчения народного продовольствия на время отсутствия императора в столице», а позднее – по распоряжению императора от 13 января 1807 года – возглавляет «Комитет охранения общественной безопасности». В 1809 году Виктор Павлович становится председателем «Комитета для изыскания средств к восстановлению равновесия в бюджете», а с начала 1810 года активно участвует в работе Государственного Совета.

В ноябре 1819 года он был вновь назначен министром внутренних дел и находился в этой должности до 28 июня 1823 года. Одновременно, с 1820 года, руководил рядом Особых комитетов и комиссий: в том числе «Комитетом по делам Царства Польского», «Комитетом по азиатским делам», «Комитетом временных пособий белорусским губерниям». За время службы В.П. Кочубей был награжден Большим крестом ордена Владимира I-й степени (1814), крестом ордена Андрея Первозванного и Анны I-й степени (1821). Летом 1823 года он подал прошение о предоставлении ему бессрочного отпуска для лечения за границей.

Известия о смерти императора Александра I, а потом о событиях на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, Кочубей получил, находясь в Европе. В сложившихся условиях он посчитал необходимым выразить новому императору свою готовность вновь поступить на службу. После

возвращения Виктора Павловича в Россию Николай I издает указ о назначении его председателем Государственного совета и Комитета министров (1827–1834), а в апреле 1834 года – на должность канцлера по внутренним делам. За многолетнюю службу В.П. Кочубей был в 1828 года награжден алмазными знаками к ордену Андрея Первозванного, а 6 декабря 1831 года ему и его потомкам был пожалован титул князя. Скончался Виктор Павлович 3 июня 1834 года и был похоронен в церкви Святого духа Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

...Нередко у тех, кто интересуется историей российского либерализма первой половины XIX века, возникает вопрос: может ли человек, руководивший, например, Министерством внутренних дел или созданным для предупреждения политических слухов и внутренних конфликтов «Комитетом охранения общественной безопасности», быть либералом? Ответ на этот вопрос, как представляется, следует искать не в плоскости формально-должностных обязанностей, а в особенностях мировоззрения человека, которые оказывали непосредственное влияние на его позицию по наиболее актуальным вопросам социально-экономического и политического развития страны.

Либеральные элементы в мировоззрении В.П. Кочубея сформировались под воздействием ряда факторов. Неоднократное пребывание в странах Европы, обучение в Женевском, Упсальском и Лондонском университетах, знакомство с работами А. Смита, Ж.Б. Сея, Ж.-Ш. Сисмонди – все это, в сочетании с усвоенным с детства чувством собственного достоинства и желанием служить «во имя общего блага», способствовало восприятию принципов свободы личности, неприкосновенности собственности и верховенства закона.

Определяющее значение для понимания важности либерального принципа неприкосновенности частной собственности оказало наличие у В.П. Кочубея крупной родовой и приобретенной собственности (суммарно он обладал около 16 тыс. крепостных крестьян мужского пола). Это

обстоятельство, несомненно, укрепляло уверенность в целесообразности принципа неприкосновенности частной собственности, а с другой – сформировало заинтересованность в разработке мер по улучшению положения частновладельческих крестьян.

Не менее важный фактор формирования мировоззрения В.П. Кочубея – непосредственное участие в обсуждении и выработке решений по вопросам реформирования российской социально-политической и экономической системы. Еще в самом начале царствования императора Александра I он, совместно с А.Р. Воронцовым, Н.Н. Новосильцевым и А. Чарторыйским, участвовал в составлении проекта «Жалованной грамоты Российскому народу», которая должна была быть провозглашена во время коронации Великого князя Александра Павловича. Этот документ провозглашал верховенство закона, право личности на безопасность и неприкосновенность частной собственности. К сожалению, император не решился обнародовать «Жалованную грамоту» и ограничился изданием традиционного для таких случаев Манифеста о восшествии на престол.

Несколько позднее, в рамках подготовки министерской реформы, В.П. Кочубею было поручено заняться разработкой основных положений, определивших порядок функционирования новых структур управления. В качестве помощника, способного быстро и четко сформулировать основные идеи нового законоположения, он привлекает М.М. Сперанского. С этого момента тот неоднократно выступает в качестве консультанта при составлении целого ряда докладных записок и проектов В.П. Кочубея.

Принадлежность к высшей правительственной элите, участие в работе Государственного Совета и Министерства внутренних дел сформировали понимание необходимости проведения преобразований. Обсуждение проектов реформирования Сената и проблемы модернизации российского законодательства, разработка мер по стабилизации государственного бюджета и поиск способов правового регулирования взаимоотношений между крестьянами и помещиками – все это открывало доступ к информации

о положении в стране, вариантах решения актуальных социально-экономических проблем, давало возможность представить лично императору не только официальные доклады, но и «особые мнения», записки и проекты реформ.

Следует также учесть, что круг обязанностей Министра внутренних дел в годы нахождения на этом посту В.П. Кочубея был существенно шире, чем это обычно представляют. К компетенции министерства относились вопросы управления торговлей и мануфактурной промышленностью, организация медицинского обслуживания населения и почтового сообщения. Кроме этого, министр осуществлял взаимодействие с губернскими властями, приказами общественного призрения, казенными палатами и предводителями дворянских губернских собраний. Столь широкий спектр обязанностей министра внутренних дел обусловил постановку целого комплекса общих вопросов, без которых невозможно было решать текущие задачи: каким образом можно ускорить экономическое развитие российской экономики; что необходимо сделать для повышения эффективности системы управления; как осуществить своевременное обновление российского законодательства и обеспечить действительное соблюдение всех нормативно-правовых актов. Для В.П. Кочубея ориентиром для поиска ответов на эти вопросы были либеральные принципы свободы личности, неприкосновенности частной собственности и верховенства закона.

В отношении фабрично-заводской промышленности стратегической задачей правительства В.П. Кочубей считал создание благоприятных условий для проявления частной инициативы российских граждан. Так, например, в отчете о работе МВД за 1802–1807 годы он предлагал «оставить частным видам промышленности сколь можно свободное течение, не стеснять их ни в выборе предметов, к коим они устремляются, ни в образе их производства и распродажи изделий». В противном случае, по его мнению, многие предприятия могут прийти в упадок, а их владельцы – к разорению. Одной из действенных мер по стимулированию промышленности и торговли, по

мнению Кочубея, могло стать оказание необходимой финансовой поддержки гражданам, желающим заняться предпринимательской деятельностью. В 1803 году он предложил образовать в Государственном Заемном банке ежегодно пополняемый из казны особый фонд, средства которого могли бы выдаваться в виде субсидий и займов частным лицам. В декабре 1814 года во Всеподданнейшей записке «О положении империи и мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разных отраслях правительству составляющих», он подчеркивал, что для оздоровления финансовой системы и экономического развития России в целом необходимо «прочное установление законов, служащих к основанию кредита».

Не мене важной задачей, стоящей перед российским правительством, В.П. Кочубей считал сокращение дефицита государственного бюджета и стабилизацию национальной денежной единицы. Непродуманная денежно-эмиссионная политика предшествующих царствований, привела к снижению курса бумажных ассигнаций, что, по мнению Кочубея, существенно ухудшило положения российских предпринимателей. Отсутствие финансовых резервов у экономически активной части населения обусловило положение, при котором государство в течение длительного времени не сможет рассчитывать на финансовую поддержку частных лиц в форме каких-либо займов, т.к. теперь, по словам Кочубея, «по недостатку доверия к правительству неохотно частные люди вверят капиталы свои». Восстановление доверительных отношений между гражданами и государством в данном контексте представлялось необходимым и взаимовыгодным.

В сложившихся условиях В.П. Кочубей предлагал принять действенные меры по контролю над выпуском новых денежных средств и уменьшению государственных расходов посредством сокращения бюрократического аппарата и армии. В качестве одного из вариантов сокращения военных расходов в мирное время Кочубей поддержал проект создания военных поселений. В одном из писем А.А. Аракчееву он просил прислать ему

«положение о военных поселениях», аргументируя свою просьбу следующим образом: «Успехи опытов воинского поселения не могут не быть приятны всем тем, кои, умея размышлять и зная государство, должны удостоверены быть, что без таковых или иных вспомогательных распоряжений нет никакой возможности содержать от 700 до 900 тысяч войска, всегда готового в продолжение долгого времени». Именно сокращение расходов государства, по мысли Кочубея, позволило бы правительству найти средства для поддержки экономически активной части российского общества. В этой связи, в процессе обсуждения в Государственном совете вариантов решения проблемы дефицита государственного бюджета, Кочубей высказывался о нецелесообразности ежегодного повышения налогов и сборов. По его мнению, необходимо было провести детальный анализ расходной части главного финансового документа страны с целью исключения «излишних» затрат государства.

Важным аспектом экономической политики, оказывающим непосредственное влияние на темпы экономического развития страны, В.П. Кочубей считал внутреннюю и внешнюю торговлю. По его мнению, любые неоправданные ограничения свободы торговли замедляли движение капиталов в стране и накопление средств для строительства новых предприятий. Особенно важным для поддержания конкуренции, оказывавшей стимулирующее влияние на российских товаропроизводителей, Кочубей считал сохранение «свободного тарифа» во внешней торговле. Конечно, он, как и большинство современников, признавал неразвитость российской экономики по сравнению с ведущими странами Европы, однако полагал, что конкуренция является «естественным» средством обучения российских предпринимателей с наименьшими затратами производить более качественный товар. Не менее важным аргументом в споре со сторонниками политики протекционизма было утверждение о том, что при свободном тарифе возможен приток иностранных инвестиций и активное заимствование новых технологий.

Являясь крупным земельным собственником, во владениях которого приживало более 15000 крестьян, В.П. Кочубей неоднократно обращался к вопросу о необходимости подготовки к освобождению людей, находившихся в личной зависимости как в помещичьих имениях, так и на фабриках и заводах. Впервые свое негативное отношение к бесправному положению крестьян Кочубей озвучил в процессе подготовки, совместно с Н.Н. Новосильцевым и А. Чарторыйским, проекта «Жалованной грамоты российскому народу». Наряду с провозглашением принципа личной безопасности, в проекте грамоты была зафиксирована норма, в соответствии с которой предлагалось даровать государственным и крепостным крестьянам право приобретения незаселенных земель. Данная мера должна была стать первым шагом на пути придания крестьянам статуса субъекта правоотношений, а в перспективе, позволила бы решить крепостной вопрос посредством ряда новых законодательных актов.

На первой этапе, по мнению В.П. Кочубея, важно было юридически разделить «собственность на вещи», которое являлось «естественным» и неотъемлемым правом любого индивида, от исторически сформировавшейся практики обладания людьми. В данном контексте необходимым представлялось, с одной стороны, законодательно закрепить право на неприкосновенность частной собственности, а с другой – признать, что исторически сложившаяся практика управления крестьянами не может быть тождественна праву собственности на населенные земли, а является всего лишь особой формой межличностных взаимоотношений крестьян и помещиков. Такая логика предполагала постепенное правовое регулирование взаимоотношений между помещиками и подвластными им крестьянами, как на уровне закона, так и посредством подписания между крестьянами и землевладельцами особого договора, в котором мог бы быть зафиксирован порядок разрешения важнейших социальных и хозяйственных проблем.

Наиболее приемлемым, а главное, бесконфликтным способом решения крепостного вопроса в правительственных кругах первой четверти XIX века

считалось постепенное освобождение крестьян посредством перехода в «новое состояние». Именно такой сценарий был предложен, например, во всеподданнейшем прошении графа С.П. Румянцева «Об отпуске крестьян целыми селениями» и был реализован в указе 20 февраля 1803 года. По решению императора, В.П. Кочубею было поручено, на основании замечаний и предложений, высказанных при обсуждении проекта С.П. Румянцева, составить «Правила при рассматривании условий между помещиками и крестьянами». В этом документе Виктор Павлович неоднократно подчеркивал необходимость государственного контроля за соблюдением принципа добровольности при заключении договоров, предоставления права приобретения земли не только «всей деревне», но и отдельным крестьянам, а также недопустимость обезземеливания крестьян. В данном контексте принципиально важно было установить четкий порядок исполнения всеми заинтересованными сторонами своих финансовых обязательств, что перспективе могло привести к мирному разрешению крепостной проблемы. Однако при всей проработанности представленных Кочубеем «правил», на практике возникало множество случаев, когда уже после заключения договора крестьяне не могли получить ни земли, ни личной свободы. Особенно часто такого рода инциденты возникали при смене владельца или смерти помещика до окончания достаточно сложной процедуры регистрации и высочайшей конфирмации договора. Безусловно, что Кочубей, являясь министром внутренних дел, через которого должны были направляться договора на подпись императору, знал о существовании подобного рода проблемы. Однако, признавая сложность процедуры и низкую скорость процесса освобождения, Кочубей считал возможным распространить принципиальную модель освобождения крестьян посредством перехода в «другое», временное состояние.

Именно такой алгоритм был предложен В.П. Кочубеем в качестве варианта освобождения крестьян, прикрепленных к заводам и фабрикам. Летом 1805 года он, представил на обсуждение в Департамент

государственной экономии Государственного Совета проект перевода фабричных и заводских крестьян в новое состояние «свободных мастеровых». Предложенный им механизм был достаточно прост: все приобретенные для работы на заводах и фабриках крестьяне по истечении 18 лет с момента их появления на производстве становились свободными. Аргументируя необходимость освобождения работников, Кочубей подчеркивал, что данная мера позволит повысить мотивацию работников в повышении качества выпускаемой продукции, и, одновременно, будет способствовать развитию отечественной промышленности за счет появления в России рынка вольнонаемной рабочей силы. Однако все эти аргументы получили неоднозначную оценку на заседании Департамента государственной экономии Государственного Совета 31 июля 1805 года. Большинство участников обсуждения согласилось с предложением Кочубея, но при этом были высказаны опасения, что, в случае реализации проекта, возникнет потенциальная опасность резкого ухудшения положения крестьян и их дальнейшей пауперизации, т.к. фабриканты будут заинтересованы в усилении эксплуатации рабочих до их освобождения. Показательным в данном контексте является особое мнение по этому делу министра коммерции Н.П. Румянцева, который убедительно доказывал, что в условиях, когда будет обозначен точный срок пребывания крестьянина на фабрике или заводе, у владельца предприятия появится дополнительный экономический стимул получить до истечения указанного в законе времени, максимально возможную прибыль от безвозмездного труда подневольных крестьян. Очевидно, что подобного рода опасения были вполне оправданы и основывались на представлениях об утилитарном характере мышления фабрикантов. Все это, в совокупности с нерешительностью императора, обусловило положение, при котором большинство либерально настроенной части российского общества утверждали, что отмена крепостного права необходима, но эффективного механизма разработки проекта реформы, учитывавшей интересы и крестьянства, и помещиков, так и не было создано.

Проблема низкой эффективности системы выработки и принятия решений была актуальна не только в контексте крепостного вопроса. Несогласованность действий различных государственных структур, дублирование сфер деятельности и документооборота – все это обусловило поиск современниками более эффективной модели управления. Уже через несколько лет после проведения министерской реформы В.П. Кочубей в записке «Об учреждении министерств», представленной императору Александру I 28 марта 1806 года, писал о том, что внешне более стройная министерская система управления требует серьезной доработки.

Новая система управления, по его мнению, была более зависима от личных качеств министров, их способностей и субъективного отношения к исполнению своих обязанностей. Для снижения такой зависимости В.П. Кочубей предлагал законодательно закрепить принцип личной ответственности министров за положение дел в подвластной им отрасли. Данный принцип означал, что, с одной стороны, министры сохраняли возможность проявить необходимую в процессе реформирования инициативу и в равной степени имели бы право прямого обращения к императору. С другой стороны, в целях предупреждения злоупотреблений властью, Виктор Павлович считал нужным «принять за правило», что все министры, вне зависимости от степени личного благорасположения к ним Государя, должны были бы в случае, если они не справлялись со своими служебными обязанностями, незамедлительно отстраняться от занимаемых ими должностей.

Существенным недостатком проведенной реформы системы управления, по мнению В.П. Кочубея, было не только отсутствие личной ответственности министров за положение дел в подвластной им отрасли, но и несогласованность действий правительства, результатом которой была низкая скорость реализации и слабый контроль за исполнением принятых решений. Анализируя деятельность правительства за 1802–1806 годы, он призывал императора более четко определить границы компетенции и

порядок взаимоотношений различных министров как между «собою, чтоб каждый знал точные пределы своей власти», так и с Комитетом министров, Государственным Советом и Сенатом.

В развернутом виде предложения В.П. Кочубея по совершенствованию системы управления были изложены в записке «О положении Империи и мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разных отраслях правительством составляющих» (1814). В этом документе он признавал необходимость заимствования отдельных элементов системы управления в развитых странах Европы. В первую очередь, для приведения отечественной системы управления в соответствие с европейскими аналогами, нужно было реализовать принцип разделения властей на «законодательство, управление и судебное ведение». Целесообразность данной меры подтверждалась историческим опытом стран с разными культурными традициями. С небольшими вариациями принцип разделения властей существовал, по словам Кочубея, во Франции, Англии, и даже в Турции, что подтверждало его применимость, «какова бы ни была форма правительства».

Отсутствие в России разделения властей усиливало тенденцию к чрезмерной бюрократизации всего государственного аппарата и существенно осложняло взаимодействие между Государственным Советом, Комитетом министров и Сенатом, предметы ведения которых имели множество точек пересечения. Предельно четкое разграничение функций различных государственных органов, способствовало бы повышению оперативности их работы, а главное, по словам В.П. Кочубея, могло бы в условиях, когда «Государь есть глава всех трех частей правительства», оградить его «от обмана и верных ошибок».

Обладая многолетним опытом работы в Министерстве внутренних дел и Комитете министров, а также участвуя в заседаниях Государственного Совета и Сената, В.П. Кочубей настаивал на том, чтобы предельно четко определить сферу деятельности каждого из этих органов власти. В записке на имя императора он предлагал провести реформу системы государственного

управления на следующих основаниях: 1) Сохранить Государственный Совет, «предоставя ему исключительно дела законодательные, коих то: новые законы, учреждение толкования законов, определение росписи доходов и расходов государственных»; 2) Сенат становится исключительно высшей судебной инстанцией, без каких-либо дополнительных административных полномочий; 3) Высший административный орган исполнительной ветви власти – Совет министров, его основная задача – координация действий всех министерств, подготовка предложений императору и Государственному Совету по усовершенствованию российского законодательства.

В целом положительно оценивая работу министерств после повышения в 1810–1811 годах личной ответственности министров, В.П. Кочубей писал о появлении новой негативной тенденции: усложнение порядка делопроизводства привело к излишней бюрократизации исполнительной ветви власти. Для предотвращения сложившегося положения Виктор Павлович предлагал упразднить или объединить близкие по своим функциям министерства. Целесообразным представлялось, например, слияние Министерства полиции и Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения и Министерства духовных дел, Министерства финансов и Государственного казначейства. Кроме этого, снижение темпов бюрократизации системы государственного управления, видимым проявлением которой стало повсеместное распространение «ненужной и многочисленной переписки», могло быть достигнуто за счет унификации и упрощения официального порядка делопроизводства. Общей целью всех предложений Кочубея было создание оперативно действующей и экономичной системы управления.

Как и многие представители образованной части российского общества александровского царствования, В.П. Кочубей размышлял о необходимости установления в России Конституции. Основанием для подобного рода размышлений был тезис о невозможности, в силу масштаба страны,

ограниченности времени и способностей одного человека, даже, если он хорошо подготовлен к исполнению обязанностей монарха, единолично управлять Российской империей. В декабре 1814 года Кочубей, размышляя над проблемой «как действительно Государю обнять все отрасли управления», убеждал российского самодержца в ошибочности распространенного в кругах консервативного дворянства суждения о том, что император всеми делами обязан управлять единолично. Именно «естественная» невозможность одновременно отслеживать разнообразные по своей направленности процессы во внутренней и внешней политике, обуславливала, необходимость создания системы обратной связи власти и общества. Констатация важности создания такой системы предопределила постановку вопроса о возможности заимствования опыта европейского конституционализма.

Считая Россию частью европейской цивилизации, В.П. Кочубей предполагал, что в неопределенной временной перспективе возможен переход к конституционной монархии, опирающейся на выборные органы сословного представительства. Несвоевременность немедленного изменения политической системы была обусловлена существенными различиями в экономическом и культурном развитии России в сравнении с развитыми европейскими государствами. Главное и принципиально важное отличие нашей страны – «низкая степень просвещения» граждан. Под этим словосочетанием он понимал не только уровень образования, но и способность личности к всестороннему анализу ближайших и отдаленных последствий принимаемых решений.

Объясняя свою позицию по данному вопросу, В.П. Кочубей писал: «В России... принадлежности законодательства не могут быть вверены никакому иному месту, как Государственному Совету. Не могут они присвоены быть Депутатам Губернским, ибо степень просвещения еще слишком в Империи ограничена, чтоб можно было нам подражать другим». По его мнению, ориентируясь на опыт развитых стран, «следует, не

повинуясь слепо учреждениям чужеземным, соображать свои собственные с настоящим положением Государства и усовершенствовать оныя». В этих условиях необходимым признавалось внимательное изучение западноевропейского опыта с последующим заимствованием лишь тех его элементов, которые соответствовали исторически сложившимся особенностям российской социально-политической системы.

Для В.П. Кочубея призыв отказаться от «слепого подражательства» Европе не означал отказа от стратегической цели – установления просвещенной конституционной монархии, опирающейся в своем правлении на мнение народных представителей. Однако продвижение в данном направлении не должно было быть поспешным. Такой подход полностью соответствовал либеральному представлению о прогрессе как постепенному и последовательному процессу развития от простых форм общественной организации к более сложным. В России, при реформировании системы государственного управления, важно было сохранить способность государства проводить необходимые преобразования, направленные на «просвещение» народа, «восстановление силы закона» и укрепление права собственности. Своевременным и безопасным шагом признавалось не немедленное создание аналогичных европейским выборных органов сословного представительства, а модернизация уже существующих государственных структур.

С этих позиций принципиально важная и первостепенная, по мнению В.П. Кочубея, задача – координация действий императора и просвещенного дворянства посредством установления информационного канала связи между дворянскими собраниями, губернскими администрациями, министерствами, и Государственным советом. Подобный алгоритм подразумевал, что император анализирует поступающие к нему от дворянства предложения и на их основе обозначает стратегические цели развития страны. Конкретный же механизм достижения этих целей должны были бы, согласовывая свои действия с общим направлением движения указанным самодержцем,

разрабатывать и воплощать в жизнь министры, сенаторы, члены Государственного совета. Такая дифференциация функций императора и «просвещенного» дворянства, с одной стороны, не противоречила традиционному представлению о верховенстве власти российского императора, а с другой – соответствовала идеальной модели просвещенной монархии, функционирующей посредством постоянного взаимодействия верховной власти и граждан.

Таким образом, основные элементы социально-политических и экономических представлений В.П. Кочубея достаточно точно отражают противоречивость и синкретичность либеральной системы ценностей в России первой половины XIX века. Представители европеизированной части российского общества, с одной стороны, выражали приверженность либеральным принципам свободы личности, неприкосновенности собственности, верховенства закона, а с другой, – подчеркивали необходимость укрепления государственных структур, призванных организовывать и координировать действия российских подданных. Такой патерналистский взгляд основывался на признании неготовности большинства населения страны к проявлению личной инициативы и отсутствия в России аналогичных европейским общественным институтам.